

мии, журналист для наименования БК УГМК г. Екатеринбурга счел интересным применить метонимическую модель *место* → *команда*, а в контексте «армия – город» – милитарную метафору *взял* → *победил* → *обыграл*. В результате читатель получает выразительный заголовок, привлекающий внимание.

Базовыми стилистическими фигурами, выделенными в текстах речевого жанра «спортивный репортаж», являются метафора и метонимия. Данный арсенал используется журналистами в целях обеспечения прагматики и экспрессии газетного текста, реализации которых способствуют аксиологическая, эстетическая, компрессионная, кодирующая и эвфемистическая функции этих фигур.

Литература

1. Керимов Р.Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Политическая лингвистика. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. Вып. 3. С. 96 – 107.
2. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004.
4. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Ростов н/Д. : Феникс, 2006.
5. Писарев Д.С. Функционирование восклицательных предложений в современном французском языке и их прагматический аспект // Прагматические аспекты функционирования языка. Барнаул : Изд-во АГУ, 1983. С. 114 – 125.

Источники примеров

Российские и немецкие издания «Коммерсантъ», «Советский спорт» (СС), «Спорт-экспресс» (СЭ), «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ), «Süddeutsche Zeitung» (SDZ), «Handelsblatt», «Welt», «Zeit», «Bild» 2000 – 2008 гг.

Basic stylistic figures in the speech genres of “sports reportage” (based on German and Russian printed media)

Based on the Russian and German languages material there are considered the cognitive and functional characteristics of a metaphor and metonymy in the speech genre “sports reportage”. There is given the range of spheres and sources of metaphors and the models of metonymic transitions.

Key words: *speech genre, sports reportage, stylistic function, pragmatics, metaphor, metonymy.*

Л.В. БОРОДИНА
(Саранск)

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале русских и французских анекдотов)

Исследуются антропоцентрические особенности русского и французского анекдотов как разновидности юмористического дискурса. Анализируются портретные характеристики человека, отраженные в тексте анекдота.

Ключевые слова: *антропоцентризм, юмористический дискурс, анекдот, референт, внешний портрет, ситуативный портрет, фрагментарный портрет.*

Являясь основным направлением современной лингвистики и определяя в главной её парадигму (которую принято именовать антропоцентрической), антропоцентризм (от *греч.* *άνθρωπος* – человек и *лат.* *centrum* – центр) базируется на философском учении, согласно которому человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий. Этот основополагающий тезис человеческого существования не может не отражаться в языковой и речевой деятельности человека, где он также составляет её философскую первооснову. Один из подходов к его реализации был разработан еще В. Гумбольдтом, полагавшим, что изучение языка подчинено цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя [3]. Современный лингвистический антропоцентризм, демонстрирующий, по выражению Е.С. Кубряковой, стремление исследователей поставить человека во главу угла [4], в свете новейших достижений лингвистики высвечивает самые разнообразные антропоцентрические актуализации языка. Самой многочисленной сферой таких актуализаций являются текст и дискурс (последний как текст онлайн).

В разных функциональных стилях соотношение текста и дискурса может быть разным. Что касается юмористического дискурса (ЮД), то здесь их взаимодействие является наиболее специфичным. Если взять анекдот в качестве одного из образцов ЮД, то следует, прежде всего, принять к сведению изменение его статуса. В отличие от прежних эпох он

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

стал письменным (публикуемым), т. е. обрел однозначную текстовую фиксацию. В этой связи вполне правомерно говорить о тексте анекдота. С другой стороны, в отличие от текста художественных произведений, его текстовая форма нестабильна, она варьируется от издания к изданию, только в общих чертах повторяя фабулу и воспроизводя лишь прагматическое воздействие на реципиента. Растворённость текста анекдота в дискурсе представляет собой одну из главных черт его языкового и речевого своеобразия.

В этом своеобразии также естественно усмотреть специфику его антропоцентрической организации. Последняя исключительно многомерна и может отсчитываться как с текстопостроительных особенностей, так и с облика самого человека, запечатляющего себя в этом текстовом построении. Бесспорным в этой связи видится утверждение, что из всех языковых единиц текст невозможно изучать вне человека, который является его производителем и получателем [6]. Особым образом выделил антропоцентрическую специфику текста М.М. Бахтин, отметивший, что человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), т. е. создает текст (хотя бы потенциальный) [2]. Однако наиболее полно тесная связь дискурса и текста просматривается в высказывании Н.Д. Арутюновой, отметившей, что термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и прочим текстам, связь которых с жизнью не восстанавливается непосредственно [1]. Если прокомментировать данное положение в приложении к юмористическому дискурсу, то в этом случае особенно наглядной окажется реальная связь речевой деятельности с реальным временем, выявляющая непосредственное отражение действительности в языковых формах.

Помимо отмеченной выше реальной связи ЮД с реальным временем, следует обратить внимание ещё на одну его характеристику. Она касается коммуникативных свойств ЮД и, в частности, анекдота. Соглашаясь с А.В. Олянич, отметим, что особым состоянием сегодняшней коммуникации является ее массовость [5]. Анекдот вполне вписывается в массовую коммуникацию, имеющую конкретную нишу в структуре современного социума. Рождаясь в её пространстве, он оказывается носителем соответствующего менталитета, отражающего в том числе философию и психологию антропоцентризма, свойственного юмористическому дискурсу в целом. Современный анекдот,

расширивший свои устные сферы до письменных и, как следствие, заметно видоизменивший стратегию антропоцентризма, стал носителем некоторых антропоцентрических актуализаций, свойственных речевым построениям других функциональных стилей.

В частности, новым проявлением антропоцентризма является актуализированный в анекдоте человек в том виде, в каком он существует в представлении автора или издателя. Фактически анекдот стал даже авторским, о чем свидетельствуют рубрики, озаглавливающие целые подборки анекдотов, например, *Анекдоты от Зюганова* или *от Трахтенберга*. Возможно, упоминаемые лица не были авторами публикуемых анекдотов, но тематика и авторский почерк последних позволяют усмотреть в них черты соответствующего идиолекта. Заслуживают комментария и печатные издания, где издатель добавляет собственное авторство хотя бы в том, что предпосылает тексту анекдота заголовок. Заголовки очень часто (а может быть, и всегда) являются антропоцентрическими и представляют собой характеристику человека. Например: *Расист* (обыгрываются политические взгляды человека), *Небритый*, *Une très grosse dame* (даётся портрет человека или упоминается деталь его внешности), *Хвастун* (резюмируются качества характера человека) и т.д. Во французских изданиях часто дается заголовок целой серии анекдотов, и этот факт представляется весьма значительным в том плане, что тем самым выявляются целые тематические блоки анекдотов. В них человек многократно изображается в одном и том же виде, и, следовательно, допустимо заключить, что темой анекдота становятся типические характеристики человека. Текст анекдота освоил следующие из них: внешний портрет – красота (*belles, belles, belles*), низкий рост (*un tout petit homme*), полная фигура (*grosses clientes*); внутренний портрет – раздраженность (*furieux*), скука (*très ennuyeux*), скромность (*très timide*), влюбленность (*terriblement amoureux*) и т. д.

В наиболее обобщенном виде проблема антропоцентризма в ЮД, в особенности в тексте анекдота, может быть сформулирована как «человек vs. человек». В этом случае в центре исследования окажется не только человек изображаемый, но и человек говорящий, т.е. продуцирующий соответствующее текстовое построение. Человек как референт (*άνθρωπος*) выступает в таких проявлениях: 1) внешний и внутренний портреты, характер, профессия, эмоциональное состояние и т.п.; 2) человек в

социуме как оппозиция *человек – люди*; 3) человек в окружении живой и неживой природы. Референциальное измерение человека как субъекта изображения в тексте современного анекдота имеет гораздо большее значение, чем это может показаться на первый взгляд. Совокупное выявление его актуализаций укажет на тот имидж человека, который в любой лингвокультуре (либо в каждой из них с соответствующими вариациями) считается уместным для юмористического комментирования. При этом такое комментирование столкнется с чисто языковыми аспектами, поскольку малый текстовый объём соответствующим образом отсортирует отображаемые качества субъекта – *человека* и поставит их в зависимость от языковых возможностей *человека* говорящего, обнаружив тем самым текстопостроительные свойства ЮД и конкретно – текста анекдота.

Главная текстопостроительная особенность текста анекдота заключается в том, что упоминаемая деталь внешности (если иметь в виду внешний портрет) становится главным объектом, на базе которого продуцируется юмористический эффект, определяя тем самым конкретную реализацию различных текстовых категорий: информативности, антропоцентричности, хронотопа и т.д. Такими деталями внешности могут быть самые разнообразные физические данные, обычно критикуемые в социуме, например, полнота, плохое зрение. Во французском анекдоте полнота особенно часто выступает в качестве референциальной основы его текстопостроения (*grosse dame* – толстая дама): *Une très grosse dame dit à la caissière d'un cinéma: – Je voudrais trois places, s'il vous plaît. La caissière demande en riant: – Les trois pour vous toute seule? La dame proteste: – Vous me prenez pour une obèse, ou quoi? Une de ces trois places est pour l'homme qui m'accompagne.*

Что касается референциального измерения анекдота, то важно заострить внимание на следующем моменте. Как показал анализ огромной массы анекдотов, помещаемых в Интернете и публикуемых на бумажных носителях, анекдоты с упоминанием физических данных человека крайне редки. Можно, таким образом, заключить, что с точки зрения внешнего облика человек в тексте анекдота просматривается очень смутно и неотчетливо. Портрет как таковой часто дается в некотором перечислении деталей внешности, однако в их упоминании просматривается несомненная детерминированность внеязыковой ситуацией, объединяющей их в определённый контекст, например, эффектная внешность современной

девушки: *Сидит блондинка, вся такая навороченная, только что из салона, прическа, ногти накладные, макияж дорогой, прикид, все дела, ноги от коренных зубов. Сидит красуется. Вдруг у нее в голове – тук-тук-тук!!! Блондинка встрепенулась: – Ой, кто там? – Червяк-мозгоед! – А что ты там делаешь? – Голодаю...*

Приведенный пример иллюстративен с нескольких точек зрения. Во-первых, здесь очень наглядно актуализирован фрагментарный портрет, состоящий из весьма произвольного упоминания деталей внешности, во-вторых, внешний портрет незаметно переходит во внутренний, в-третьих, для его адекватного восприятия коммуникантом-реципиентом необходима определённая фоновая информация, которая, в сущности, ответственна за продуцирование юмористического эффекта. В данном случае существенным моментом является утвердившееся в современном социуме мнение о глупости блондинок, послужившее стимулом для создания о них целой серии анекдотов. Роль фоновых знаний для ЮД весьма значительна, т. к. малый текстовый объём анекдота базируется на затекстовой информации.

Атрибутика внешности (одежда, очки и т.п.) также используется при текстопостроении анекдота с продуцированием на её основе юмористического эффекта: *Парень с толстыми линзами в очках, на медкомиссии в военкомате у окулиста читает таблицу проверки зрения. Нижнюю строку не видит. Вторую, третью и четвертую – тоже... Видит только самую верхнюю строку, да и то подойдя вплотную. В заключении медкомиссии написано: «Годен к ближнему бою»; Больной открывает глаза, видит человека в белой одежде и слабо стонет: – Доктор, я буду жить? – Я не доктор, я Архангел Гавриил.*

Достаточно типичным для текста анекдота является ситуативный портрет с упоминанием деталей внешности временного характера, например, опухшее лицо, сломанная рука, замерзшие уши, подбитый глаз и т.п.: *У реки зимой сидит рыбак, шапка лежит рядом на льду, уши белые от мороза. Мимо проходит другой рыбак и говорит: – Ты что, обалдел, надень шапку, голову простудишь! – Ага, щас, вчера водку предлагали, а я не услышал.*

Такие текстовые построения для создания юмористического эффекта часто продуцируют жестокие ситуации, частично перекликающиеся с черным юмором: *A sa femme qui rentre du marché, un homme explique: – Le petit s'était pincé un doigt dans la porte. Il hurlait, il hurlait. Il n'a pas cessé de hurler jusqu'à ce que je lui ap-*

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

plique un bon morceau de sparadrap... – Sur son pauvre doigt meurtri ? – Non, sur la bouche. Во французских черных анекдотах часто обыгрываются искаленные детали внешности, такие как перерезанное горло, например: *Une femme a été retrouvée dans la rue, égorgée, le truc dégueulasse, quoi, avec des morceaux qui collent de partout. Le commissaire vient voir le médecin légiste et lui demande : – Elle a été violée ? – Pas encore, j’attendais votre feu vert.*

Черный юмор в анекдоте весьма показателен с точки зрения его антропоцентрической организации, поскольку в качестве юмористического объекта здесь практически всегда избирается человек. В таком выборе черный юмор не знает границ и, выражаясь образно, не щадит даже детей: *C’est l’histoire d’un petit gamain qui n’a pas de bras ni de jambes. C’est qu’une tête avec rien dessous. Il demande à sa mère:*

– *Maman, je peux aller jouer au foot ?*

– *Mais tu sais bien que tu peux pas....*

– *Oui, mais je veux jouer au foot.*

– *Ben... Prie très fort et peut-être que demain... Toute la nuit il prie et le lendemain il a deux bras et deux jambes qui ont poussé sous le cou. Il est tout fier et sa mère lui dit :*

– *Va vite montrer ça à ton père...*

Il court dehors, on entend des cris de joie et le père revient en disant :

– *Chérie, chérie, viens voir la grosse araignée que j’ai écrasée !!!*

В данном случае несомненен учет реакции реципиента как представителя определенной лингвокультуры, освоившей для вербализации те или иные внеязыковые ситуации и квалифицирующей их как юмористические.

Внешний портрет, актуализируемый текстом анекдота, может включать заимствованные аспекты чужой внешности, приписываемые обычным людям, например, части тела известных личностей, звезд кино и эстрады: *Журнал Cosmopolitan решил создать идеального человека. От Джоли взяли губы, взяли волосы Хилтон, глаза Волочковой, форму лица Робертс. Результат шокировал всех: получил Сергей Зверев!*

В ряде случаев юмористический эффект строится на противоположной оценке внешности персонажами анекдота. Упоминаются детали внешности одного человека, изменяющиеся в зависимости от ситуации, например: *Разговаривают две подруги: – Говорят, тебя вчера видели с каким-то жирным и волосатым чудовищем... – Это мой жених. Он уже подавил мне на свадьбу несколько гавайских островов! – И как тебе удалось найти это мягкое и пушистое чудо?*

С точки зрения портрета важно отметить детали внешности, продуцирующие юмористический эффект на основе подтекстовой информации, заключенной в знании реципиентом определенной ситуации. Например, борода, которую бреет парикмахер, служит стимулом для достраивания реципиентом собственно юмористической части анекдота, прямо не вербализуемой: *Весьма привлекательная особа в парикмахерской делает маникюр клиенту. Пораженный ее красотой, тот пытается за ней ухаживать и просит о свидании. Женщина отказывает, говорит, что она замужем, но клиент не отстает: – Сделаем так: вы позвоните мужу и скажете, что сегодня у вас сверхурочные. – Скажите это ему сами, – советует женщина настойчивому клиенту, – именно он бреет вам бороду.*

В заключение следует отметить тот факт, что антропоцентрические параметры юмористического дискурса концентрируют в себе разнообразное отражение человека в его лингвокультурной трактовке, тесно соединяя человека в статусе текстового референта и человека говорящего, продуцирующего конкретное текстовое построение и определяющего вербальную актуализацию последнего.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Яз. славян. культуры, 1999. 896 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 250 – 296.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985.
4. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20-го века. М. : Яз. рус. культуры, 1995. С. 144 – 238.
5. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. М. : Гнозис, 2007. 407 с.
6. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филол. науки. 2002. № 3. С. 69 – 77.

Anthropocentric parameters of humor discourse (based on the material of Russian and French anecdotes)

There are considered the anthropocentric peculiarities of a Russian and French anecdote as a variety of humor discourse. There are analysed the portrait characteristics of a person reflected in the anecdote text.

Key words: *anthropocentrism, humor discourse, anecdote, referent, superficial portrait, situational portrait, fragment portrait.*